

УДК 94(479.22)«1944/1949»

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПЛЕНА: ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В КАРЕЛИИ (1944–1949 ГОДЫ)

Л. И. Вавулинская

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

На основе материалов местных архивов рассматриваются многообразные реалии плена: условия содержания военнопленных, питание, медицинское обслуживание, организация досуга и др. Исследованы внутренние взаимоотношения лагерного сообщества, различные варианты восприятия плена, специфика дискурсов иностранного военного плена в Карелии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: военнопленные, условия содержания, питание, досуг, восприятие плена.

L. I. Vavulinskaya. EVERYDAY LIFE IN CAPTIVITY: PRISONERS OF WAR IN KARELIA (1944–1949)

Relying on materials from local archives we consider the diverse realities of captivity: conditions of confinement, meals, medical care, organization of leisure. Internal relationships within the prisoner camp community, various perceptions of the captivity, specific features of the discourses of foreign military captivity in Karelia are investigated.

К e y w o r d s: prisoners of war, confinement conditions, meals, leisure time, perception of captivity.

В последние десятилетия в исторической науке получила активное освещение проблема иностранного военного плена Второй мировой войны. Появился целый ряд интересных исследований отечественных и зарубежных авторов, в которых рассмотрены дипломатические, политические и правовые аспекты военного плена, вопросы трудового использования иностранных военнопленных в СССР, медицинского обеспечения, репатриации на родину, захоронений военнопленных и др. [Конасов, 1996; Безбородова, 1998; Сидоров, 2001; Конасов, Кузьминых, 2002; Карнер, 2002; Медведев, 2009а и др.]. Анализ этих работ содержится в ряде историографических обзоров [Ерин, 2002; Медведев, 2009б; Кузьминых, 2010 и др.]. Значительно пополнилась региональная

историография проблемы. Наиболее изученными в этом отношении являются Дальний Восток, Сибирь, Урал, Казахстан, Бурятия, Волгоградская, Ярославская и Ленинградская области, Европейский Север России.

Если в ряде регионов уже изданы монографии, посвященные проблемам иностранного военного плена Второй мировой войны, то в Карелии эти вопросы еще не получили всестороннего освещения.

Карело-Финская ССР была одним из регионов, где размещались иностранные военнопленные. В середине февраля 1946 г. их здесь находилось 25 748, по национальности в подавляющем большинстве немцев, а также венгров, австрийцев, румын и прочих. Эта цифра была значительно выше, чем в ряде

других регионов Европейского Севера: в Архангельской области – 4790, в Вологодской области – 22 775, в Мурманской области – 5925, в Коми АССР – 442 [Военнопленные в СССР, 2000. С. 653]. Военнопленные размещались в трех лагерях – в районе Сегежи (№ 212), Петрозаводска (№ 120) и Питкяранты (№ 166). Четвертый лагерь для военнопленных на территории республики (№ 447, в районе Пудожского района), организованный на основании постановления СНК СССР от 11 ноября 1945 г., был передан в ведение НКВД КФССР от УНКВД по Ленинградской области 28 февраля 1946 г. (3004 военнопленных) [АМВД РК, ф. 20, оп. 6, д. 2, л. 74; ф. 40, оп. 1, д. 226, л. 4].

В силу тяжелого положения страны после окончания войны большинство предприятий и строительных организаций республики, куда в основном поступали военнопленные, оказались не готовыми к их приему. Хозяйственные организации вынуждены были решать бытовые проблемы собственными силами, привлекая военнопленных. В докладе начальника Сегежского лагеря для военнопленных № 212 начальнику Управления лагерей для военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР 8 января 1945 г. отмечалось: «Организация лагеря началась с августа 1944 г., а военнопленные в количестве 2075 поступили только в период с 19 ноября по 9 декабря 1944 г. ... Жилой фонд лагеря: здания 2-этажные, деревянные, построенные в 1939 г., кровли черепичные, полы дощатые. После войны требуют восстановления окна, двери и кухонные плиты... Продфуражом лагерь обеспечен плохо... От ОУВС КФО (Окружное управление военного снабжения Карело-Финского округа. – Л. В.) лагерь получил утиль и негодное обмундирование, которое реставрируется силами военнопленных. Обеспеченность зимним и летним обмундированием – 100 %, зимними головными уборами – 30 %. Из утиля реставрировано 611 пар рукавиц, что составляет 35 % потребности... В организованных мастерских – сапожной и портновской – недостает швейных машин (имеется лишь одна), сапожного инструмента, починочного материала... За неимением материала в лагере не имеется постельных принадлежностей и полотенец, даже для лазарета, нет смены белья, что ведет к завшивленности... Подсобного хозяйства при лагере нет, т. к. в районе Сегежи нет годной к обработке земли... В лагере работают портновская, сапожная и жестяная мастерские... Организована бригада рыбаков, занятая подледным ловом рыбы и подготовкой орудий лова к весне и лету» [АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 217, л. 94–97, 106].

Не меньше проблем было с организацией питания в лагерях. Инструктор отдела по торговле ЦК КП(б) КФССР докладывал секретарю ЦК Компартии республики Г. Н. Куприянову о результатах проверки в трех отделениях лагеря № 120 в декабре 1945 г.: «Качество пищи низкое, пища готовится однообразная – суп мучной с картофелем и консервами или жидкая каша. Изредка готовят картофельное пюре из мороженого картофеля, его от кожуры почти не очищают и плохо промывают, в результате пюре получается черного или серого цвета. В Деревянке и Кутижме питание двухразовое, в Паю – трехразовое. Днем подвоз пищи на производство или приготовление там не производится. Утром завтрак бывает в 7 часов, а обед – в 6 часов вечера. Таким образом, перерыв в приеме пищи днем – 11 часов» [АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 221, л. 86].

Постепенно жизнь в лагерях налаживалась, однако необходимо учитывать, что на восприятие условий содержания самими военнопленными оказывало влияние различие культурных традиций и бытовых стандартов повседневной жизни в СССР и других странах. Этим объяснялось стремление военнопленных к улучшению бытовых условий своими силами с помощью средств и материалов, предоставляемых хозяйственными органами [Поршнева, Долинова, 2003. С. 129]. По свидетельству коменданта управления Пудожского лагеря № 447 В. А. Бондаренко, «немцы серьезно относились к благоустройству мест проживания. В «Комендантском» они из кусков труб, утиля и резиновых шлангов смастерили водопровод (невиданная по тем временам в Пудоже штука), установили в колодце водозабор и подали воду в хлебопечкарню, на медпункт, на вахту и в другие точки. В Бочилово пешеходные дорожки содержались в идеальном порядке, и однажды случайно оброненная обгоревшая спичка стала предметом замечания немецкого командира стрелку ВОХР (Военизированная охрана. – Л. В.)...» [Нилов, 1995. С. 144].

В отличие от советских военнопленных в нацистских лагерях бывшие солдаты и офицеры вермахта получали пусть и скромное, но регулярное продовольственно-вещевое и санитарно-медицинское обеспечение, имели право переписки. Даже большинство западных историков признают, что в военные и послевоенные годы советское население жило не лучше военнопленных. По воспоминаниям одного из работников Пудожского лагеря, кормили военнопленных не хуже, чем вольнонаемных работников, которые получали паек по карточкам. Однако в лагерях имели место случаи хищения продовольствия, предназначенного для

военнопленных, замены продуктов менее калорийными, невыдачи дополнительного пайка для выполняющих и перевыполняющих нормы выработки. Нередко на трудовых объектах рабочий день военнопленных удлинился на 2–3 часа, не обеспечивались горячее питание и обогрев, не соблюдались правила безопасности труда, что повышало уровень травматизма. Тяготы жизни пленных усугублялись суровым северным климатом.

В выступлении начальника лагеря № 212 на совещании о работе лагерей для военнопленных, состоявшемся 27–28 мая 1946 г. в МВД республики, отмечалось: «Недостаточная обеспеченность зимней обувью и рукавицами вызвала большое количество случаев обморожений (до 500), т. к. валенки были получены только в январе-феврале 1946 г. К началу зимы у нас было только 1000 пар валенок, выручило то, что сами пошили 3000 пар бурок... Острый недостаток медикаментов. Сануправление округа срезает потребность в них на 70–80 %... Кроме всех этих причин, я из собственных наблюдений пришел к выводу, что немцы не приспособлены к условиям севера и к работе в лесу, не могут выносить наших климатических условий в зимнее время и только начинают оживать летом, а зимой хиреют» [АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 142–143].

Наиболее распространенными диагнозами заболеваний военнопленных были дистрофия, авитаминоз, воспаление легких. В целях сохранения трудоспособности рабочей силы и ее оздоровления в лагерях расширялась сеть и вместимость госпиталей, амбулаторий и лазаретов, создавались специальные оздоровительные лагерные отделения, увеличивались нормы питания для ослабленных, проводилась витаминотерапия и т. д.

Одним из основных принципов лагерной системы ГУПВИ была изоляция военнопленных. Для обеспечения их охраны вокруг лагерной зоны создавалась сеть инженерных сооружений в виде забора из колючей проволоки или частоккола и смотровых вышек. Но эти требования далеко не всегда соблюдались. Так, в Пудожском лагере № 447 в начале 1946 г. ряд лагерных отделений (Новостеклянное, 8-й квартал, Черная Речка, Подпорожье) не охранялись конвойными гарнизонами, и «военнопленные имели свободный выход из зон лагерных отделений без конвоя и без учета и болтались в рабочих поселках и деревнях» [АМВД РК, ф. 20, оп. 6, д. 2, л. 74, 152; оп. 18, д. 12, л. 41]. В середине 1946 г. не было гарнизонов конвойных войск в лагерных отделениях Кочкома, Тегозеро, Беломорск и Кемь лагеря № 212. Охрана осуществлялась в

зоне вахтерским составом, а на работе – хозяйственным органом [АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 214, л. 205–206].

В силу удаленности многих лагерных отделений от населенных пунктов и основных железнодорожных магистралей, наличия в республике преимущественно некрупных предприятий, разбросанности объектов строительства и невозможности организовать необходимую охрану режим лагерной жизни здесь был относительно более мягким, многие военнопленные трудились вместе с вольнонаемными рабочими только под присмотром мастеров и бригадиров.

Начальник лагерного отделения Кукковка Петрозаводского лагеря № 120 Б. А. Суслов вспоминал: «По закону военнопленные не являются преступниками, и я никогда не считал их таковыми. Лагерь не стал для них тюрьмой. Конечно, была охрана, и на работу их выводили под конвоем, но в целом режим оставался достаточно свободным. Я никогда не возражал против того, чтобы отпустить желающих в город, но сами пленные предпочитали проводить свой досуг в лагере...» [Спектор, 1999].

Внутренний распорядок лагерей был подчинен интересам трудоиспользования и сохранения физического состояния военнопленных. В выступлении министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова на совещании министров внутренних дел республик и начальников краевых и областных управлений МВД 20–22 марта 1946 г. подчеркивалось: «...Если военнопленному надо на работу идти к 8 часам, то не надо его поднимать в 5 часов, пусть он дольше лежит, ведь вы знаете, что чем больше человек лежит, тем меньше ему надо есть. Внутренний распорядок пересмотрите по всем лагерям ваших областей, упростите его и подчините этим задачам» [Военнопленные в СССР, 2000. С. 70].

Система содержания военнопленных была аналогична структуре воинских подразделений. Военнопленные объединялись в отделения, взводы, роты, батальоны. Среди них было организовано самоуправление, избирались бригадиры, старшие по бараку. Администрация лагеря назначала коменданта из числа военнопленных, от которого, по воспоминаниям одного из начальников лагерных отделений Пудожского лагеря, нередко пленным доставалось больше, чем от администрации лагеря.

Материал, содержащийся в местных архивах, убедительно свидетельствует о том, что за время пребывания в плену иностранные военнопленные активно перерабатывали действительность путем создания определенных поведенческих норм. Каждый из них по-своему приспособлялся к ситуации и пытался ис-

пользовать ее для облегчения своего положения. На поведение военнопленных в неприятельском плену определенное воздействие оказывали их национально-психологические особенности, принадлежность к той или иной профессиональной, возрастной группе, социальному составу [Галицкий, 1991. С. 58].

Какая-то часть военнопленных замыкались в себе, пассивно принимая данную реальность, а другие, хотя нередко и формально, вступали в сотрудничество с лагерной администрацией. Имели место и попытки открытого или скрытого сопротивления ситуации – побеги, самовольный уход с работы, симуляция, членовредительство. Распространенным способом отказа военнопленных от работы было сознательное истощение своего организма путем недоедания, чрезмерного употребления соли и табака, использования в пищу испорченных продуктов.

Побеги были нечастым явлением. Сказывалось, в первую очередь, незнание военнопленными русского языка. Так, за полгода (с 1 августа 1946 г. по 15 февраля 1947 г.) из Пудожского лагеря бежали всего трое военнопленных, которые были задержаны и водворены в лагерь. За это же время было предотвращено 9 случаев готовившихся побегов [АМВД РК, ф. 16, оп. 3, д. 18, л. 26].

Анализ документов позволяет говорить о том, что наиболее типичными нарушениями режима со стороны военнопленных являлись отказ от работы, хищение и кража лагерного имущества, хранение запрещенных предметов. Так, по Пудожскому лагерю за 3-й квартал 1946 г. на военнопленных было наложено 90 суток ареста за следующие нарушения: нарушения дисциплины – 6 случаев, «симуляция от работы» – 10, порча вещевого имущества – 1, нарушение режима хранения неположенных предметов – 12 случаев [АМВД РК, ф. 20, оп. 6, д. 2, л. 111, 113]. В то же время исследования, посвященные уголовному судопроизводству в отношении немцев, доказали, что так называемые «лагерные «преступления» в большинстве случаев совершались по причине крайней нужды, ради того, чтобы выжить, а не с целью саботажа» [Хильгер, 2009. С. 170].

Условия содержания военнопленных могли значительно различаться в зависимости не только от расположения лагерных отделений, рода работы, но и от принадлежности к привилегированным категориям. В лучших материальных условиях оказывались квалифицированные специалисты, бригадиры, переводчики, кухонный персонал, парикмахеры, сапожники, портные, а также представители антифашист-

ского актива. В 4-м квартале 1946 г. в лагере № 120 антифашистский актив составлял примерно 3 % от общего числа военнопленных (235 человек из 8459), в лагере № 166 – почти 10 % (220 человек из 2214) [АМВД РК, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 7]. Если отдельные военнопленные сознательно участвовали в антифашистской работе, то часть из них вступили в ряды антифашистского актива по причине предоставления им определенных льгот и преимуществ, а также в надежде на быстрее репатриацию на родину. На основании директивы МВД СССР № 112 от 7 июня 1947 г. и указаний Политотдела МВД КФССР от 31 июля 1947 г. военнопленные функционеры по антифашистской работе, организаторы культурно-массовой работы и пропагандисты, назначенные из числа военнопленных, были освобождены от физической работы, они содержались расконвоированными, питались по полной норме, как занятые на производстве, и получали ежемесячно по 100 руб. [АМВД РК, ф. 17, оп. 13, д. 4, л. 17; оп. 14, д. 5, л. 6]. Однако деятельность антифашистского актива в большинстве случаев получала негативную оценку со стороны товарищей по плену.

Важной чертой повседневной жизни военнопленных являлась организация структуры лагерного сообщества, взаимоотношения представителей различных национальных групп. Т. И. Харламова, впервые приехавшая в Питкяранту в июле 1945 г. и работавшая счетоводом в управлении лагеря для иностранных военнопленных № 166, вспоминала: «...Мне в помощь был дан немецкий офицер по фамилии Бергер. Он выписывал накладные для выдачи продуктов военнопленным. Это был коренастый ариец с выправкой кадрового немецкого офицера. Как-то, с введением карточек, нам пришлось на день привлечь к работе рядового немца, также из числа военнопленных. Меня тогда очень поразило, как Бергер подчеркивал свое превосходство перед рядовым. Немцы даже в плену жестко соблюдали субординацию» [После войны, 1995].

В рамках лагерного социума непростыми были взаимоотношения представителей разных национальностей. В докладной записке инструктора отдела по торговле ЦК Компартии республики секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянову приводился такой факт: «В лагерном отделении Деревянка лагеря № 120 в пищеблоке работали исключительно мадьяры (самоназвание венгров. – *Л. В.*), которые при раздаче давали немцам суп весьма жидкий – сверху, а мадьярам – густой, снизу, в результате немцы имели сильный упадок сил» [АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 221, л. 87].

В 1944 г. по ходатайству депутата Верховного Совета СССР Георгия Димитрова (с 1948 г. – генерального секретаря ЦК Болгарской Коммунистической партии) в целях повышения эффективности антифашистской пропаганды во всех лагерях для военнопленных началось отделение австрийцев, румын и венгров от немцев и концентрация их в отдельных лагерях и лагерных отделениях [Военнопленные в СССР, 2000. С. 38, 187; АМВД РК, ф. 40, оп. 1, д. 265, л. 15]. Оно сопровождалось некоторым улучшением материально-бытового положения и культурного обслуживания военнопленных названных национальностей и завершилось в 1947 г.

Дискуссионным является вопрос, может ли повседневность быть трудовой, производственной? Большинство отечественных исследователей подразумевают под «повседневностью» главным образом сферу частной жизни, и только некоторые включают в сферу анализа те модели поведения и отношения, которые возникают на рабочем месте [Пушкарева, 2010]. На наш взгляд, трудовая повседневность вполне вписывается в структуру повседневности иностранного военного плена, поскольку производственная деятельность иностранных военнопленных занимала существенную часть их времени, а с учетом прямой зависимости питания военнопленных от результатов труда представляла собой и непосредственное условие их выживания.

В силу внешнеполитических соображений иностранные военнопленные в меньшей степени, чем советские заключенные, испытывали произвол лагерного начальства. Однако имели место случаи избиения военнопленных, жестокого обращения с ними со стороны лагерной администрации, охраны, руководителей хозяйственных органов. Так, конвоиры гарнизона, расположенного в Питкяранте, допускали случаи избиения военнопленных, принуждали их обменивать новое обмундирование на старое [АМВД РК, Ф. 18, оп. 4, д. 1, л. 100]. А. М. Гудков, 1929 года рождения, работавший после войны уполномоченным по сбору средств рыболовецкого кооператива в Пудоожском районе, вспоминал, что во время работы на сплаве леса один из военнопленных пожаловался, что у него болит живот. В ответ начальник лесозащитки окунул голову военнопленного два раза в воду, и тот сразу стал работать. Имел место и случай, когда часовой застрелил военнопленного за то, что тот его оскорбил. Часовой получил выговор и был переведен в другую часть [Интервью..., 2008]. Подобные инциденты каждый раз тщательно разбирались, и принимались меры по наказанию виновных.

Нередкими были случаи злоупотребления служебным положением со стороны должностных лиц, использовавших военнопленных для своих личных целей (пошив одежды и обуви, работа по дому и в огороде, использование военнопленных в качестве музыкантов на семейных вечерах офицеров и т. п.).

В то же время некоторые представители администрации лагерей, видя бедственное положение военнопленных, старались помочь им. Так, начальник лагерного отделения «Поршта» лагеря № 447 «выдал незаконно сверх положенной нормы по дополнительному питанию военнопленным следующие продукты: хлеб – 27 кг 300 гр., жир – 1 кг 184 гр., сахар – 1 кг 146 гр., крупа – 12 кг 554 гр. С учетом того, что это было сделано не из корыстных целей, приказом начальника лагеря в июне 1946 г. начальнику лаготделения было указано на неправильные действия и с него взыскана стоимость продуктов в одинарном размере» [АМВД РК, ф. 20, оп. 18, д. 11, л. 45].

Нередко лагерная администрация оказывала доверие отдельным военнопленным, привлекая их к выполнению определенных хозяйственных работ и даже к охране материальных ценностей, иногда военнопленных приглашали на совместные вечера отдыха. В приказе по Управлению лагеря № 447 от 14 мая 1946 г. отмечалось, что в феврале 1946 г. начальник лагерного отделения «9-й квартал» капитан Т. устраивал танцевальные вечера для сотрудников, на которых присутствовали военнопленные. Капитан Т. был предупрежден о недопущении подобных случаев в дальнейшем [АМВД РК, ф. 20, оп. 18, д. 11, л. 4].

Руководство лагерей в соответствии с директивами ГУПВИ МВД СССР принимало меры по повышению чувства ответственности сотрудников за дисциплину среди военнопленных. Так, в приказе начальника управления лагеря № 120 от 23 октября 1946 г. указывалось на необходимость «...повести решительную борьбу с лицами, допускающими бесконтрольность в охране военнопленных, ненужную доверчивость и панибратство с военнопленными. Прекратить практику рукопожатий с военнопленными и обращение по имени и отчеству. Требовать от всех военнопленных беспрекословного выполнения указаний и распоряжений, исходящих от работников лаготделений...» [АМВД РК, ф. 17, оп. 11, д. 8, л. 227–228].

Общение с пленными рассматривалось как преступная связь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако вопреки этому, благодаря расконвоированию и свободному передвижению отдельных военнопленных, за-

вязывались знакомства с местными женщинами, нередко перераставшие в настоящее чувство. Случались и романы военнопленных с медицинскими и хозяйственными работниками лагерей. В случае обнаружения подобных фактов по ним проводились расследования и принимались соответствующие меры.

По воспоминаниям многих жителей Петрозаводска, отношение населения к иностранным военнопленным было милосердным, как к побежденному врагу. Не было озлобления, чувства мести, скорее – сострадание и жалость. Нередко горожане приносили военнопленным хлеб, махорку, ботву овощей. «Военнопленные стали частью нашей жизни», – отмечают многие жители республики, которые были свидетелями пребывания в крае иностранных военнопленных. Созвучны этим впечатлениям воспоминания пудожского краеведа Е. Г. Нилова: «Я не слышал, чтобы жители района избивали и оскорбляли пленных. Отходчива русская душа. И постепенно вошло в лексикон пудожан немецкое приветствие: «Гутен таг, камрад!» (Добрый день, приятель!)» [Нилов, 1995. С. 138].

Немаловажной стороной повседневности иностранного военного плена являлась организация досуга. С этой целью в лагерных отделениях были созданы драматические и музыкальные коллективы, работали клубы, библиотеки, систематически устраивались киносеансы. Периодически проводились общелагерные смотры самодеятельности, привлекавшие много участников. В летний период военнопленные занимались такими видами спорта, как футбол, волейбол и легкая атлетика. Д. Евсеева, работавшая после войны в Петрозаводске, в Управлении мер и весов, вспоминала: «Мы проезжали мимо лагеря в выходные теплые солнечные дни. У пленных тоже был выходной. Через забор было хорошо видно, что делалось на его территории. Почти что все его обитатели были на улице. Кто-то просто загорал, кто-то играл в волейбол, кто-то играл в вынесенный на улицу бильярд... Почти на каждом вечернем киносеансе можно было увидеть человек 20–30 немцев... У них водились наши советские деньжата. Многие из них старались подзаработать деньги: изготавливали и продавали населению сделанные самими всякие поделки...» [Евсеева, 1995]. В числе таких поделок были кольца из алюминия и старых монет, миски, кружки, ведра, игрушки и др. Военнопленные оказывали помощь населению в ремонте печей, колке дров и т. д.

Современные исследователи включают в категорию повседневного не только событийную область публичной повседневной жизни,

быт в самом широком смысле, но и эмоциональную сторону событий и явлений. Наиболее ценный материал, характеризующий индивидуальное восприятие плена, механизмы приспособления к его условиям, содержат письма военнопленных, точнее, выдержки из них, которые фиксировались органами военной цензуры. «Жизнь слишком тяжела, если в эту зиму я не приеду домой, то я лучше покончу свою голодную жизнь, т. к. вечно голоден. Год за годом все суровее, хотя я ничего преступного не сделал»; «Обо мне не беспокойся, живу хорошо, большая часть зимы уже прошла, мы снабжены хорошей одеждой. Имею свободный выход. Культурное обслуживание поставлено хорошо. Есть библиотека, радио, лагерная капелла – квартет» [АМВД РК, ф. 17, оп. 6, д. 7, л. 48 об. 49]. Военнопленных волновали судьбы их родных и близких, возможности устройства на работу после возвращения из плена. Во многих письмах содержались слова признательности русским врачам, простым людям, приходившим на помощь военнопленным в трудной лагерной повседневности.

Таким образом, иностранные военнопленные вместе с населением республики испытали на себе всю тяжесть послевоенной экономической и социальной ситуации в СССР. Реакция самих пленных на столкновение с новой действительностью, стратегии их выживания в условиях военного плена были разнообразными, что определило линии раздела внутри лагерного сообщества. Повседневное общение с работниками лагерей, персоналом предприятий, гражданским населением способствовало тому, что предубеждения сменялись нормальными отношениями. Несмотря на языковой барьер, этнические и культурные стереотипы, сложившиеся у иностранных военнопленных, а также наследие нацистской пропаганды, многие из них изменили свое представление об СССР в лучшую сторону.

Источники и литература

Архив Информационного центра МВД по Республике Карелия (в тексте – АМВД РК).

Безбородова И. В. Генералы вермахта в плену. М.: Изд. центр Рос. гос. гуманитарн. ун-та, 1998. 206 с.

Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы / Под редакцией проф. М. М. Загорюлько. М.: Логос, 2000. 1118 с.

Галицкий В. П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // СОЦИС. 1991. № 10. С. 48–63.

Евсеева Д. «Мы есть просто солдаты»... О пленных немцах в Петрозаводске. Свидетельство очевидца // Карелия. 1995. 23 февр.

Ерин М. Е. Российские и немецкие историки о судьбе военнопленных в СССР // Проблемы новой и новейшей истории. Ярославль, 2002. Вып. 4. С. 3–18.

Интервью с А. М. Гудковым, 1929 г. р. Зап. Л. И. Вавулинская. 2008 г.

Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе, 1941–1956 / [Пер. с нем. О. Асписовой]. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2002. 303 с.

Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: Дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: очерки и документы. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та повышения квалификации педагогич. кадров, 1996. 320 с.

Конасов В. Б., Кузьминых А. Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. Вологда: Изд-во Вологод. ин-та развития образования. 2002. 232 с.

Кузьминых А. Л. История военного плена Второй мировой войны в СССР: этапы, проблемы и перспективы изучения // Историк и его время. Памяти профессора В. Б. Конасова. Сб. науч. ст. Вологда: Граффити, 2010. С. 202–222.

Медведев С. А. Немецкие военнопленные в СССР в 1941–1956 гг. и формирование образа Советского Союза: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009а. 23 с.

Медведев С. А. Немецкие военнопленные в СССР в зарубежной и отечественной историографии (1940–2000-е гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009б. Т. 56. № 9. С. 52–58.

Нилов Е. Г. Лагерь № 447 // Север. 1995. № 4-5. С. 137–145.

Поршнева О. С., Долинова М. В. Повседневность плена: иностранные военнопленные Второй мировой войны в Нижнем Тагиле // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 127–139.

После войны / Зап. Е. Архипова // Новая Ладога. 1995. 28 июля.

Пушкарева Н. «История повседневности» как направление исторических исследований. URL:http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 27.05.2011).

Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939–1956 гг. Волгоград: изд-во ВолГУ. 2001. 508 с.

Спектор Т. Блюз военнопленных // Петрозаводск. 1999. 2 июля.

Хильгер А. Немецкие военнопленные и их опыт соприкосновения со сталинизмом // Сталин и немцы: новые исследования. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. С. 150–175.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Вавулинская Людмила Ивановна
старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: ludvav@mail.ru
тел.: (8142) 575281

Vavulinskaya, Lyudmila
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: ludvav@mail.ru
tel.: (8142) 575281